

Министерство общего и профессионального образования
Российской Федерации

Орехово-Зуевский педагогический институт

Труды

МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

(Сборник материалов и докладов)

Орехово-Зуево
1998

ББК 72

Т 78

*Печатается по решению редакционно-издательского совета
Орехово-Зуевского педагогического института*

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

доктор фил. наук, проф. М. И. ЗАДОРОВЫЙ; канд. филол. наук, проф. В. В. КРАСНЯНСКИЙ; канд. филол. наук, доцент И. Ю. СИМАЧЕВА; канд. филол. наук, доцент Т. В. МИТИНА; канд. филос. наук, доцент А. Г. ЕГОРОВ; канд. филос. наук, доцент Т. А. КОРОТКИХ; доктор географ. наук, проф. Н. В. КЛЮКИН; доктор с/х наук, проф. А. И. САЛЬНИКОВ; канд. биол. наук, доцент Т. И. КУЛИКОВА; канд. биол. наук, доцент Н. А. ФРОЛОВА; доктор мед. наук, проф. Н. П. НЕВЕРОВА; канд. пед. наук, доцент Р. Н. ШИКОВА; канд. пед. наук, доцент А. И. ШПУНТОВ; канд. пед. наук, доцент В. Ф. ЕФИМОВ.

**Труды молодых ученых. Сборник материалов и докладов.
Орехово-Зуево, 1998. – 60 с.**

Сборник «Труды молодых ученых» содержит материалы докладов студентов и аспирантов – участников ежегодной научно-практической конференции «День науки», проводившейся в Орехово-Зуевском педагогическом институте в 1998 году. В сборник вошли материалы докладов по широкому кругу проблем современного научного знания.

К. В. Булавкин

(студент филологического факультета)

О СТРУКТУРЕ ПОЭТИЧЕСКИХ КНИГ И. АННЕНСКОГО

Структура поэтических книг И. Анненского – это практически неизученный аспект творчества поэта, который, однако, играет значительную роль для понимания его художественной системы в целом. Анализ строения “Тихих песен” и “Кипарисового ларца” позволяет установить, что книги стихов Анненского являются воплощением его суждения о мифе как об источнике лирического творчества и попыткой перенесения принципов античного мифа на почву современного искусства.

В качестве основы сюжета своей первой книги (говоря о сюжете поэтической книги, нужно учитывать, что это понятие условно и его нельзя отождествлять с понятием сюжета в эпических произведениях) поэт использовал миф об Одиссее, соотнося своего лирического героя с героем мифа. Подтверждением этому являются основные сюжетные совпадения мифа с тематикой и образами книги Анненского: мотив поиска духовной родины, тема соблазнов и страхов, преследующих героя, образ душной пещеры циклопа Полифема, соотносимый Анненским с понятием пребывания человека в мире и т.д.

При создании второй книги стихов Анненский, также руководствуясь принципами античного мифа, реализует эти принципы на несколько ином уровне. Взяв одну из главных категорий мифа – трагедийность, он воплотил ее в каждом отдельном стихотворении “Кипарисового ларца”. Таким образом, стихотворения поэта, в которых практически всегда присутствует сюжетность характерного трагического типа, можно назвать своеобразными микротрагедиями, составляющими единый контекст книги. Автор, мучительно ощущающий неразрывную связь с героями своих лирических пьесок, заставляет и читателя тоже почувствовать эту связь. Так на уровне всей книги реализуется идея надличного сознания, функцию которого в античности выполнял миф.

Данная идея обусловила особенности сложной структуры “Кипарисового ларца” – деление книги на три раздела – трилистники (микродикды из трех стихотворений, складки (из двух) и разметанные листы (отдельные стихотворения) – деление, символизирующее сцепленность человеческих судеб и в то же время их “разметанность”. Принцип троичности, воплощенный на нескольких уровнях книги, делает “Кипарисовый ларец” универсальной художественной моделью трехмерного пространства человеческого бытия, в пределах которого трагически невозможно полное соединение отдельных существований в единое целое, но сама идея подобного “лучезарного спянья” заставляет человека терзаться “мукой по где-то там сияющей красе”, всегда находиться в состоянии поиска

трагически недостижимой гармонии. Таким образом, главная книга поэта – это “страницы жизни”, “мерцающие строки бытия”, раскрывающие всосбъемлющую картину человеческого существования, наполненного неразрешимыми противоречиями и вечным стремлением к прекрасному.

В. А. Бодров
(аспирант МПУ)

ВОСПОМИНАНИЯ О М. ГОРЬКОМ В ЖУРНАЛЕ “НОВОСЕЛЬЕ” (НЬЮ-ЙОРК)

Мемуаристика, воспоминания о деятелях политики, науки, искусства и литературы – одна из ярких страниц периодики Русского зарубежья. Подобные материалы были весомыми среди публикаций как ведущих ее журналов – “Современные записки” (Париж), “Грани” (Франкфурт-на-Майне), “Новый журнал” (Нью-Йорк), – так и незначительных, не сыгравших сколько-нибудь значимой роли. К последним относится и журнал “Новоселье”, выходивший в Нью-Йорке с 1942 по 1950 годы под редакцией С. Прегель. Несмотря на то, что собственно литературный отдел “новоселья” был откровенно слаб, за что издание не раз подвергалось критике со стороны других журналов Русского зарубежья (см.: жур. “Возрождение” (Париж). № 30, с. 185-186), в нем появлялись солидные материалы научной, философской, социально-политической, общественно-образовательной тематики, воспоминания. Они во многом и определяли лицо “Новоселья”.

Среди материалов журнала выделим очерки о М. Горьком. Известно, что к его личности и творчеству Русское зарубежье обращалось довольно активно. Не случайно, конечно. Фигура одного из крупнейших писателей первой трети XX века не могла не вызвать к себе интереса. Так было и с “Новосельем”, где в 40-е годы появляются три очерка о нем – Е. Замятина (№ 1), С. Дубновой (№ 21), Г. Хмары (№ 29-30). Все они были написаны по впечатлениям от встреч с писателем и раскрывали его как личность. Авторы попытались воссоздать прежде всего психологический портрет своего героя, духовный его облик. При том, что С. Дубнова и Г. Хмара освещают разные аспекты деятельности Горького (работа писателя в “Летописи” и его сотрудничество с МХАТом), оба автора выделяют одни и те же черты личности Алексея Максимовича – огромную энергию, “бескорыстную взволнованность чужой удачей” (С. Дубнова), гуманистическую направленность его публичных выступлений, принципиальность в отстаивании своей позиции, тонкую душевную организацию. Все это нашло отражение и в очерке Е. Замятина, написанном, как мы знаем, в Париже сразу же после известия о смерти